

EPOSSÜNASLIQ VƏ DASTAN YARADICILIĞI. ЭПОСОВЕДЕНИЕ И ДАСТАН-НОЕ ТВОРЧЕСТВО. EPOS STUDIES AND SAGA MAKING

Чичек Эфендиева
Институт Фольклора НАН Азербайджана
(Азербайджан)
cicek71@mail.ru

БЫЛА ЛИ ДЕВА?...

Ключевые слова: древнерусский памятник, «темные места», «Слово о полку Игореве», «...вступила девою на землю Троянову...», «Аз и Я», «кричат телеги в полночи, словно лебеди вспугнутые»

Эта статья продолжает цикл статей, посвященных «темным местам» «Слова о полку Игореве» (далее в статье СПИ – Э.Ч.) (Эфендиева, 2012, 119-124; Эфендиева, 2013, 113-117). Прежде, чем мы проанализируем, интересующие нас место СПИ, ознакомимся с переводами и толкованиями данного отрывка разных лет.

Перевод для императрицы Екатерины:

Уже, братцы, плачевные времена настали.

Уже пала въ пустыни сила

и осталась побѣда въ силахъ Дамбожева внука;

вступили девы на землю Троян;

всплескали лебедиными крылами на синемъ море у Дона плещучи; возвратились къ нимъ времена богатя; престали князи воевать на поганыхъ (Ильинский, 1920, 20, 68).

Перевод по Мусину-Пушкину:

Пала въ пустыне сила многая, возстала обида Дажь-Божевымъ внукамъ. Она вступивъ девою на землю Троянову, всплескала крылами лебедиными на синемъ море у Дона купаючись, разбудила времена тяжкія: перестали Князьям нападать на неверныхъ.

Перевод по Рукописи XVIII века:

Уже братцы часъ невеселой наступилъ; пала уже въ пустыни сила; осталась же побѣда въ силахъ дождь Божева внука: вступила дева на землю трояню, всплескали лебедиными крылами на синемъ море у дону плещучи, возвратились къ намъ времена богатя, престали князи на поганыхъ воевати.

Перевод В. Жуковского: И встала обида в силах Дажь-божиих внуков,- Девою ступя на Троянову землю / Встрепнула крыльями лебедиными, На синем море у Дону плескаяся («Слово», 1987, 131, 145, 157, 173, 190).

Переводы Деларю, Д. Лихачева, А. Майкова, К. Бальмонта, С. Шервинского и А. Югова мы не приводим, так как они повторяют перевод В. Жуковского («Слово», 1987, 173, 190; «Слово», 1986, 126; «Слово», 1970, 74). Переводы Н. Рыленкова и И. Шкляревского немного отличаются от вышеуказанных переводов:

Силу внука Дажьбога пустынная степь поглотила. Встала Дева-Обида у древнего края Трояна, Лебединые крылья над морем подняв из тумана («Слово», 1987, 240, 261).

Перевод Н.Заболоцкого: Поднялась Обида от курганов / И вступила девою в край Траянов. Крыльями лебежьими всплеснула, Дон и море оглашая криком... / Возвестив о бедствии великом («Слово», 1987, 215.)

Перевод Л. Наровчатской по римско-славянскому классическому канону.

Настала / Беда – разоренье / В селеньях / Дажбожего Внука: / Вступила Добитием – данью! / На землю Троянову / Всплескала лебедиными / крыльями на синем море (Наровчатская, 1991, 295).

В переводе Г. Джафарова отсутствует перевод слова *Дева*. Но он так переводит это «темное место»:

‘Fəlakət burada ərşə dayandı,

Troyan diyarını gəzdi, dolandı.

Qaz tək qanadını ucadan çaldı’ (Сəfərov, 1964, 21).

Итак, образ *Девы* до сих пор является объектом дискуссий среди ученых. Некоторые из исследователей считают, что образ *Девы* есть, а другие – нет.

1. *Образ Девы есть в «Слове о полку Игореве».*

1.1. *Образ лебеди-девушки.*

Образ девы-обиды, лебеди-девушка типично фольклорный («Слово о полку Игореве», 1950, 419). Древний образ девицы-погубительницы, подсекающей молодца, сбивающего его с ног одним взглядом – фольклорный стойкий образ, как и пояснительный момент с древних времен (Наровчатская, 1991, 362). Облик «девы с лебедиными крыльями» в христианской символике означает смерть: лебедь - символ смерти (Кусков, 1983, 52). Лебединой оболочкой, крыльями обладали скандинавские Валькирии, героини Эдды и Нибелунгов, югославянские вилы, девицы-оборотни немецких и русских сказок и былин («Слово о полку Игореве», 1968, 114). Наряду с этими сказками есть и монгольские, бурятские сказки, например, «Хань-Гужирь», в которых ведется рассказ о деве-лебеди. Г. Потанин отмечает, что «сюжеты некоторых русских сказок заимствованы из восточных сказок и легенд».

Например, «вместо Хан-Гужирь в русской сказке – Еруслань, вместо Хухудоя – голова Росланея (Хухудой - богатырь, который безуспешно борется с Наран-Гэрэлом), Наран-Гэрэл в русской сказке – Огненный щит (царь), (наран - «солнце», гэрэл – «луч, свет»), который жжет огнем.

Еруслан (Уруслан) Зацаревич (в Ундольском варианте) едет добывать печень зеленого царя; дорогой он встречает стаю птиц-хохотуней, которые стали «изметываться» девицами. Хохотуни могут быть объяснены тюркским – «ку-катунь», где – «ку» означает «лебедь», а «катунь/катынь» – «женщина». Хотя такой термин в тюрко-монгольских сказках не встречается, но какое-то представление о существах в роде дев-лебедей довольно распространено в сказках монголо-тюрков и прилагаемая к ним терминология отчасти напоминает парное «ку-катунь». В монгольских сказках такие девы-лебеди иногда называются «хонь-тайджи (хунь-тайджи)» – «хонь, хунь» в монгольском означает «лебедь» (Потанин, 1899, 101-102).

В связи с этим, В. Ф. Ржига пишет: «... изучение ориентализмов памятника важно не только само по себе, но и для понимания его образной системы. Это обстоятельство дает повод искать в тексте «Слова» известных следов не только восточной лексики и семантики, но и восточной поэтической образности» (Ржига, 1947, 84). Лебедь – является образным символом восточных сказок, а в древнерусском фольклоре - гуси, лебеди, галки - олицетворяют степняков, половцев. Для объяснения тюркизмов «Слова...» Н. А. Баскаков привлек названия тотемов («волк», «бык», «лебедь»). Символ «лебеда», как

отметил Н. Баскаков, выступает для образной характеристики половецких сил (Баскаков, 1985, 13; Робинсон, 1980, 269-239).

1.2. Образ Девы-обида.

Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов так комментируют этот образ: «Дева-Обида... лебедиными крыльями» - «Лебедь» в народной традиции символизирует несчастье. Этот образ часто встречается в народных причитаниях» («Слово», 1987, 334). По мнению В. И. Стеллецкого, «Дева-Обида - сила враждебная силам Дажьбожа внука, то есть русским княжеским дружинам и полкам. Восстает внутри них» («Слово», 1965, 155). Автор говорит здесь об «обиде» всей Русской земли в целом, он олицетворяет ее. Это выражение следует сопоставить с аналогичным выражением в летописи – «встало зло» в «Повести временных лет» под 1097 г. слово Мономаха – «то большее зло встанет в нас» («Повесть временных лет», 1950, 49).

Д. С. Лихачев утверждает, что слово «обида» в значении нарушений феодальных прав, прав князя, княжества или всей Русской земли было одним из самых распространенных выражений в феодальном быту своего времени. В «Слове» «обида» имеет, скорее всего, распространенное в народной лексике значение «горе». Но выражение «встала Обида» - типично феодальное. Это термин, означающий возникновение раздора, войны. И вот из конкретного этого образа в «Слове» рождается художественный образ. Обида встает в силах Дажьбожа внука, то есть в русских войсках, и читатель еще колеблется, признать ли это выражение «встала обида» за обычный феодальный термин или за конкретный образ, но уже следующие затем слова облекают эту «обиду» в облик «девы». Наконец, образ «девы-обида» становится еще более конкретным – у нее оказываются лебединые крылья, которыми она прогоняет с Руси – «времена обилия» («жирня времена») (Лихачев, 1967, 59-60; Виноградова, 1973, 12; «Слово о полку Игореве», 1938, 90-91).

Б. А. Рыбаков считает, что «обида» со стороны половцев началась еще в 1166 году. В 1168 году князь Мстислав Изяславич созвал князей в поход на половцев. Русской чести была нанесена обида, состоявшая в том, что половцы захватывают в плен русских людей. Летописец указал географию «обида»: путь по Днепру в Византию, путь в Крым и путь к Дону и далее на Восток. Автор «Слова» тоже указал географию:

«... на землю Трояню...»

Именно здесь, считает Б. Рыбаков, на «земля Трояня» в низовьях Дуная стали в 1180 годы бесчинствовать половцы Кобяка, получившие в эти годы характерное наименование «дунайцы» (Рыбаков, 1991, 17).

Очевидно, тут «... всплескала лебедиными крылы на синем море...» подразумеваются морские порты Крыма и Тамани: Корсунь, Сурож и Тмутаракань, упомянутые в «Слове» в составе половецкой «Незнаемой земли».

По мнению Б. Рыбакова, лебединые крылья «девы-Обиды» (очевидно, какой-то римской богини?) символизировали бурное, беспокойное время. Тема «обида» рассмотрена автором как давнее противодействие степняков приобщению Руси к мировой цивилизации (Рыбаков, 1991, 18). О. Сулейменов считает, что «обида встала» в силах половцев, и пробудила времена раздора. Ведь половцы приходили на Русь, в основном, по приглашению самих князей. Однако весной 1184 года Кончак был обманут северским князем Игорем и черниговским князем Ярославом, в результате чего Кончак потерпел поражение (Сулейменов, 1989, 467). А, по мнению О. Сулейменова, его версию «обида» половцев, подтверждают образные «лебединые крылья».

2. *Образ Девы нет в «Слове о полку Игореве».*

По поводу интересующего нас отрывка, В. Ржига считает, что девы-обиды нет в тексте «Слова». Ссылаясь на Ф. И. Эрдмана, В. Ржига указывает, что в восточных языках слова «дева» или «невеста» может применяться в переносном смысле чего-нибудь нового, неслыханного (Эрдман, 1842, 183-184, 436). Так, например, называются «девами» или «невестами»: а) неизвестные, вновь найденные летописи; б) новые, до сих пор неслыханные мысли и выдумки; в) новые желания и предположения; г) неслыханные победы. Надо отметить, что мнения Ржиги и Эрдмана не бесспорны, в том смысле, что применимы ли вышеуказанные переносные значения слова «дева» в понимании данного отрывка.

О. Сулейменов тоже считает, что образ *Девы* тут нет. Он предлагает читать не «девою», а – «де, вою», то есть никакой «девы» тут нет. А «де, вою» оправдан мужской род глагола «вступиль», ибо относится глагол не к «обиде», а к Игорю, который вступил войной на землю Трояню. Дажь-Божий внук обижается на Игоря. Это его обида всплескала крыльями у Дона, то есть там, куда пришел Игорь войною. Это его обида возбудила времена «жирные» (Сулейменов, 1989, 466). С трактовкой О. Сулейменова мы не согласны.

Из всех исследователей «Слова» только А. Югов усомнился в слове «дева-Обида». Оно неверно прочтено. «Вступиль дивой-дивь», так читает А. Югов. В древнерусском языке прилагательное оканчивается на – ой- или -ей – и без ударения на конце. Существительному «дева» соответствует прилагательное – «девый». И что весьма существенно для защиты формы дивой=дикий, ей свойственно употребляться в виде существительного. А. Югов также отмечает, что «для истории русского языка и палеографии возможность смешения – дивый / девый – вещь обычная. Ссылаясь на Ф. И. Буслаева, А. Югов пишет далее «дивий – лесной, дикий, по новгородскому произношению – девый, девичий. От слова «дивий» следует отсылка к слову «дева»; девичий, девий; северное, дивий. Но и для Южной Руси характерна мена –(е)на (и)в этом же самом корне («Слово», 1970, 210). Иванов считает, что слова «дева» и «дивить» одного корня (div)(Иванов, 1990, 163). Значит «дева», по мнению А. Югова, якобы вторгшаяся на Землю Траяна – это есть испорченное «дивой/дивый», то есть половцы, вторгшиеся в Киевскую Русь – Землю Бояна.

Из современных исследователей «Слова», например, Людмила Наровчатская, так трактует этот отрывок. «Обида» (латинское OBIDA) «сверхотдача», «разоренье, беда» у древних. Слово «дева» у древних означало существительное от глагола *давать-девать*, что соответствует и русскому понятию «дева». Только там это слово обозначает «женщина», когда оно употреблено с эпитетом – «красный». Свой же вариант Л. Наровчатская объясняет следующим образом: «До наших дней дошел обычай древних, а именно платить калым за невесту, приданое давать невесте, то есть *дани-давы-девы-платы*, общеизвестно» (Наровчатская, 1991, 362).

3. В «Слове о полку Игореве» все, что имеет какое-то отношение к половцам несет знак «лебедя». Даже телеги половецкие «кричат» у него словно «лебеди распуганные». Однако эти «образные» телеги тоже по-разному истолковываются исследователями «Слова».

«А половцы неготовами дорогами
побегоша къ Дону великому:

*крычатъ телегы полунощы,
рци лебеди роспущени»;*

«А половцы непроторенными дорогам
помчались к Дону Великому.

*Кричат телеги в полночи,
словно лебеди вспугнутые»* (Лихачев, 1984, 45,165)

«Ночами в панике бегут кочевые аулы от войск Игоря, жалкий скарб на колымагу, детей – в короб, кнутом – по чалому и «кричат телеги... как лебеди распуганные» (Сулейменов, 1989, 468). В переводе Джафарова Г. телеги не кричат как лебеди, а словно лебеди рассеялись по степи:

Tələsik yollarda at çarır qırçaq,
İqoru o, Donda qarşılayasaq.
Qırçaqların sır-sır arabaları
Qaz tək səpələnmiş bu gəsə uarı (Сәфərov, 16, 1964).

Б. Рыбаков считает, что «упоминание «телег» отнюдь не случайно. Это не кибитки – «вежи», в которых живут жены и дети, только обременительные в походах и сражениях. Это – конные повозки военного назначения, в которых возили доспех и запасы стрел. Скрип мчащихся к «Дону» военных телег угрожал, предупреждал воинственные намерения половцев» (Рыбаков, 1991, 72-73).

По мнению Н. В. Шарлеманя, «осенью, когда лебеди – кликуны тысячами летят зимовать на Черное и Азовское моря, темными ночами от криков этих могучих птиц и в наше время порою нельзя уснуть в приморских селах, над которыми они пролетают (Шарлемань, 1948, 113; Виноградова, 1969, 50).

По нашему мнению, комментарий Шарлеманя не соответствует контексту отрывка. По мнению Лихачева Д. С., «кочевники не смазывали колеса своих телег. Движение многих телег в степи поднимало громкий скрип далеко слышный в степи, особенно, тихими ночами. Крик северного лебедя-кликун – отчасти напоминает этот звук» (Лихачев, 1955, 200; «Слово о полку Игореве», 1950, 397).

Совсем иную трактовку предлагает Г. В. Сумаруков. Он пишет, что «скрипа телег как такового не было. Даже, если он и был, то не о нем написано в поэме. В поэме написано о крике людей, находившихся в телегах. Кричали половцы, они подняли крик, когда обнаружили русских.

Однако - это не был крик страха, а был крик - информация: «Игорь к Дону вои ведет». Для половцев телега – это и дом, и транспорт, и наблюдательный пункт. Они были расставлены на всем протяжении приграничной степи» (Сумаруков, 1983, 91).

И. Хубшмид, описывая конструкцию телеги, приходит к выводу, что «все части повозки – телеги скреплялись друг с другом без железных гвоздей или заклепок. Ступица колеса никогда не делалась из железа и потому они издавали скрип при движении. Скрип колес пробуждает воспоминание о скрипе телег в «Слове», где этот шум сравнивается с криком распуганных лебедей. Нечто подобное могло быть сказано и о повозках ногайцев, у которых колеса не смазывались не жиром, так что они передвигались по степи со слышным далеко по степи противным скрипом» (Хубшмид, 1990, 41). Из этого следует, что речь идет о телегах половцев, скрип которых образно сравнивается с «криком распуганных лебедей».

4. Итак, из всего вышесказанного следует, что образ «Девы–лебеди» не получил до сих пор своего окончательного толкования. Однако, имеющиеся в восточных сказках и легендах образ девы-лебеди автор «Слова о полку Игореве» мог метафорически использовать в своем произведении. В этом нас убеждают вышеизложенные неоспоримые факты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баскаков Н. А., Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». Москва, «Наука», 1985.
2. Иванов В. В., Историческая грамматика русского языка., Москва, 1990.
3. Ильинский Л. К., Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII в. (военная типография), Петроград, 1920.
4. Кусков В. В., Связь поэтической образности «Слова о полку Игореве» с памятниками церковной и дидактической письменности XI-XII вв. // «Слово о полку Игореве» - памятники литературы и искусства XI-XII вв., Москва, «Наука», 1983.
5. Лихачев Д. С., «Слово о полку Игореве»: Древнерусский текст., Москва, «Просвещение», 1984.
6. Лихачев Д. С., «Слово о полку Игореве». Ист.-лит. Очерк., Москва-Ленинград, «АН СССР», 1955.
7. Лихачев Д. С., «Слово о полку Игореве» - героический пролог русской литературы., Ленинград, 1967.
8. Наровчатская Л. Б., «Слово о полку Игореве» и перевод «Слова о полку Игореве» по римско-славянскому классическому канону., Москва, «Художественная литература», 1991.
9. «Повесть временных лет» (под ред. Андриановой–Перетц В. П./, Москва-Ленинград, «АН СССР», ч. 1, 1950.
10. Потанин Г. А., «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», Москва, 1989.
11. Робинсон А. Н., Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI-XII вв., Москва, 1980.
12. Рыбаков Б. А., Петр Бориславич. Поиск автора «Слово о полку Игореве», Москва, «Наука», 1991.
13. Ржига В. Ф., Восток в «Слово о полку Игореве» в кн. «Слово о полку Игореве» (сб. ст), Москва, 1947.
14. «Слово о полку Игореве», /перевод Новикова И. М./, «Художественная литература», Москва, 1938.
15. «Слово о полку Игореве», (под ред. Андриановой – Перетц В. П.), «АН СССР», Москва-Ленинград, 1950.
16. «Слово о полку Игореве», (под ред. Стеллецкого В. И.), Москва, «Просвещение», 1965.
17. «Слово о полку Игореве», Москва-Ленинград, 1968.
18. «Слово о полку Игореве», /перевод и комментарий А. Югова /, Москва, «Художественная литература», 1970.
19. «Слово о полку Игореве» - 800 лет., Юбилейное изд., Москва, 1986.
20. «Слово о полку Игореве», (сб.ст), Москва, 1987.
21. Сулейменов О., «Аз и Я» в кн. Публицистика. Поэмы. Эссе. Стихи. Проза., Алма-Ата, «Жалын», 1989.
22. Сумаруков Г. В., Кто есть кто в «Слово о полку Игореве», Москва, «МГУ», 1983.
23. Хубшмид И., (Берн) Два румынско-славянских-тюркских этимологических гнезда и название повозок в алтайских языках //Вопросы языкознания, № 6, 1990.
24. Шарлемань И. В., Из реального комментария к «Слову о полку Игореве», ТОДРЛ., Москва-Ленинград, 1948.

25. Эфендиева Ч., Ещё раз о «тёмных местах» в древнерусском памятнике XII века «Слово о полку Игореве» // Межвузовский сборник научных статей «Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук», Баку, «Бак. Слав. университет», № 2, 2012.
26. Эфендиева Ч., «Под трубами спеленуты...» // Filologiya məsələləri, №3, Bakı, «Elm və təhsil», 2013, s. 113-117.
27. Эрдман Ф.И., Следы азиатизма в «Слово о полку Игореве» //ЖМНП, ч. 36, 1842.
28. «İqor polku Dastanı», //tərcümə edən Q.Cəfərov //, Bakı, 1964.
29. Виноградова, В. Л., Словарь – справочник «Слово о полку Игореве», Москва-Ленинград, «Наука», вып.1, 1965; вып. 2, 1967; вып. 3, 1969; вып. 4, 1973; вып. 5, 1978; вып. 6, 1984.

REFERENCES

1. Baskakov N.A. Turkic vocabulary in “A word about Igor’s regiment” Moscow, “Nauka”, 1985
2. Ivanov V.V. Historical grammar of Russian language. Moscow, 1990
3. Pilyinskiy L.K. Translation of “A word about Igor’s regiment” according the manuscript of XII c (military press) Petrograd, 1920
4. Kuskov V.V. Connection between poetical imagery of “A word about Igor’s regiment” and monuments of church didactic writing of XI-XII c. “A word about Igor’s regiment” monuments to literature and art of XI-XIIc, Moscow, “Nauka”, 1985
5. Likhachov D.S. “A word about Igor’s regiment” Old Russian text. Moscow.”Prosvesheniye” 1984
6. Likhachov D.S. “A word about Igor’s regiment” Historical literature. Essay. Moscow-Leningrad “A.S.USSR”, 1995
7. Likhachov D.S. “A word about Igor’s regiment” – heroic preface of Russian literature, Leningrad, 1967.
8. Narovchatskaya L.B. “A word about Igor’s regiment” and translation of it according Roman-Slavic classical canon. Moscow. “Khudojestvenya literatura” 1991
9. “A story of temporary years” (edited by Andrianova-Petrets B.P.) Moscow-Leningrad “A.S.USSR”, p.I, 1950
10. Potanin Q.A. “The eastern motifs in medieval European epos” Moscow, 1989
11. Robinson A.N. Old Russian literature in the literary process of medieval literature in XI-XIIc
12. Ribakov B.A. Peter Borislavich. Search of the author of “A word about Igor’s regiment” Moscow, “Nauka”, 1991
13. Rjiqa B.F. The East in “A word of Igor’s regiment” in the film “A word about Igor’s regiment” (collection of articles) Moscow, 1947
14. “A word about Igor’s regiment” (translated by I.M.) “Khudojestvennaya literatura”, Moscow, 1983
15. “A word about Igor’s regiment” (edited by Adrianova-Petrets B.P.) “A.S. USSR”, Moscow- Leningrad, 1950
16. “A word about Igor’s regiment” (edited by Stelletskiy V.I.) Moscow, “Prosvesheniye”, 1965

17. "A word about Igor's regiment", Moscow-Leningrad, 1968
18. "A word about Igor's regiment" (translation and comments of Yuqov A. Moscow "Khud. Lit." 1970
19. "A word about Igor's regiment" 800 years old anniversary publication, Moscow, 1986
20. "A word about Igor's regiment" (collection of articles) Moscow, 1987
21. O.Suleymenov, "Az and me" in the film Publicism. Poems. Essay. Poetry. Prose., Alma-Ata, "Jalin", 1989
22. Sumarukov Q.V. Who is who in "A word about Igor's regiment" Moscow, "MSU" 1983
23. Khubshmid I.(Bern) Two Romanian-Slavic-Turkic etymological structures and the name of carts in Altaic languages (Questions of linguistics), № 6, 1990
24. Sharleman I.V. From real comment to "A word about Igor's regiment" Moscow-Leningrad, (TODRL) 1948
25. Efendiyeva Ch. Once more about "dark places" of an old Russian monument of the XII c in "A word about Igor's regiment"(Interinstitutional compilation of scientific articles) "Actual problems in the study of humanities", Baku "Bak. Slav.University) № 2, 2012
26. Efendiyeva Ch. "Diapersed under the pipes", "Filologiya meseleleri", №3, Bakı, «Elm ve tehsil», 2013, p. 113-117
27. Erdman F.I. The signs of atheism in "A word about Igor's regiment"
28. "İqor polku dastani" (translated by Jafarov Q.) Baku, 1964
29. Vinogradova V.L. Dictionary-Reference book of "A word about Igor's regiment", Moscow-Leningrad, "Nauka" ed.1, 1965; ed.2 1967; ed. 3, 1969; ed. 4, 1973; ed.5, 1978; ed. 6, 1984.

Çiçək Əfəndiyeva

AMEA Folklor İnstitutu

(Azərbaycan)

cicek71@mail.ru

“QIZ MÖVCUD OLMUŞDURMU?...”

XÜLASƏ

Bu məqalədə "İqor polku dastanı" (XII əsr) əsərindən başqa "gizli yer" olan «... *вступила девою на землю Троянову...*» "Troyan torpağına qədəm basmış qız" ifadəsi tədqiq edilir. 'Qız-qu quşu' surəti bu gün də alimlər tərəfindən tədqiqat mənbəyi olaraq qalmaqdadır. Təqdim olunan məqalə "İqor polku dastanı"ndakı "gizli yerləri"nin tədqiqinə həsr olunmuş silsilə məqalələrin davamıdır. Q. Cəfərov dastandakı "..., ... возсталa обида Даждь-Божевымъ внукамъ. Она вступивъ дьвою на землю Троянову, восплескала крылами лебедиными на синемъ морь" cümlələri belə tərcümə edir:

"Fələkət burada ərşə dayandı, / Troyan diyarını gəzdi, dolandı. / Qaz tək qanadını uca-dan çaldı".

Tədqiqatçılardan bəziləri həmin surətin olduğunu, bəziləri isə olmadığını hesab edirlər. "Qız-fələkət", "qu quşu-qız" surəti tipik folklor surətidir. Xristian simvolikasında "qu quşu

qanadlı qız” surəti ölüm deməkdir: qu quşu – ölüm simvoludur. Q. Potanin qeyd edir ki, “bəzi rus nağıllarının süjetləri şərq nağıl və əfsanələrdən götürülüb”. Monqol, buryat nağıllarında qu quşu-qız (qadın) haqqında danışılır. Qu quşu – şərq nağıllarının surət simvoludur, qədim rus folklorunda isə qazlar, qu quşları, dolaşalar qırçaqları, çöllüləri ifadə edir. N. Baskakov qeyd edir ki, əsərdə “qu quşu” simvolu qırçaq surətini xarakterizə edir.

Bununla bağlı V. F. Rjiqanın fikrinə görə, abidədəki oriyentalizmlərin öyrənilməsi əsərin surət sisteminin anlaması üçün çox vacibdir. Bu dastanın mətnində şərq leksikası və semantikas, həm də şərq poetik surətinin izlərini axtarmağa imkan verir. Tədqiqatçı hesab edir ki, “qız-fələkət” dastanda yoxdur; şərq dillərində “qadın”, yaxud “qəlin” sözləri məcazi mənada istifadə oluna bilər. Məsələn: a) bilinməyən, yenidən tapılan əlyazmalar; b) yəni, bu günə qədər eşidilməmiş fikirlər və uydurmalar; v) yeni arzular və ehtimallar; q) eşidilməmiş qələbələr. O. Süleymenov da hesab edir ki, Qız surəti bu dastanda yoxdur. O, “девою” “qız” olaraq deyil, “де, вою”, yəni “savaşı” olaraq tərcümə etməsini təklif etmişdir. Ancaq biz O. Süleymenovun bu mulahizəsiylə razılaşmaya bilərik.

‘İqor polku dastan’ında qırçaqlara aid nə varsa ‘qu quşu’ işarənin mənasını daşıyır. Məqalədə dastandakı “arabalar qu quşları kimi qışqırır” yeri də araşdırılır. Abidənin bu yerini “А половцы непроторенными дорогам/помчались к Дону Великому./Кричат телеги в полночи,/словно лебеди вспугнутые” Q. Сəfərov “arabaları qu quşları kimi qışqırmır, qu quşları kimi çöllərə səpələnmiş” kimi tərcümə etmişdir:

Tələsik yollarda at çapır qırçaq, / İqoru o, Donda qarşılayacaq.

Qırçaqların cır-cır arabalar / Qaz tək səpələnmiş bu gecə yarı.

Lakin bu arabaları dastanın tədqiqatçıları fərqli izah edirlər. O. Süleymenov da “qırçaqların arabaların hürküdülmüş qu quşları kimi qışqırırlar” kimi tərcümə edir. Nəticədə, qırçaqların arabalarının cırıltısı “hürküdülmüş qu quşlarının qışqırığıyla” bədii şəkildə müqayisə edildiyi görünür.

Araşdırma nəticəsində belə qənaətə gəlmək olar ki, “İqor polku dastanı”nın müəllifi şərq nağıl və əfsanələrində olan bu surəti metaforik şəkildə istifadə edə bilərdi. Bu məqalədə göstərilən dəlillər bizi buna inandırır.

Açar sözlər: qədim rus abidəsi, “gizli yerlər”, “İqor polku dastanı”, “Qız olmuşdurmu?...”, “Az-Ya”, “arabalar hürküdülmüş qu quşları kimi qışqırırlar”

Chickek Efendiyeva
Azerbaijan National Academy of Science
Folklore Institute (Azerbaijan)
cicek71@mail.ru

“WHETHER THERE WAS A MAIDEN?...”

SUMMARY

In the article is investigated one of “dark places” of *The Tale of Igor’s Campaign* (XII century), beginning expression “... has entered the maiden on the earth to Troyanov ...”. The image of “maiden-swan” till today remains object of research of scientists. Given article is continuation of a cycle of articles about « “dark places” in *The Tale of Igor’s Campaign*. In

particular, a fragment “..., ... возстала обида Даждь-Божевымъ внукамъ. Она вступивъ *дьвою* на землю Троянову, восплескала *крылами лебедиными* на синемъ морь” G.Jafarov has translated into the Azerbaijani language as follows: “*Fələkət burada ərsə dayandı, / Troyan diyarın ıgəzdi, dolandı./Qaz tək qanadını ucadan çaldı*”.

Some researchers consider, that such image exists, and some, on the contrary, deny its existence. The image of “maiden-misfortune”, “maiden-swan” is typical folklore image. In Christian symbolic, “the winged maiden-swan” means death: a swan – a death symbol. G.Potanin notices, “Plots of some Russian fairy tales are borrowed from east fairy tales and legends”. In the Mongolian, Buryat fairy tales it is spoken about the maiden (woman) in a swan appearance. The swan – a symbolical image of east fairy tales and in Old Russian folklore expresses geese, swans, kypchaks and nomads. N.Baskakov notices, that in product the symbol “swan” characterizes a kypchak’s image.

In this connection, according to V.F.Rzhigi, oriental’s studying in a monument has great value for understanding of product’s system of images. The text of this monument allows to track east lexicon and semantics, and after east poetic image. The researcher considers, that “maiden-misfortune” in the epos is not present, however in east languages words “woman” or “bride” can be used figuratively. For example, unknown earlier new manuscripts; new, unexpressed thoughts and fictions; new wishes and hypotheses; unprecedented victories. O.Suleymenov as considers, that the image of the Maiden in this epos is absent. He suggests translating a word «*девою*» as «*де, вою*», i.e. “has battled”. However we do not agree with O.Suleymenov’s this judgment.

Everything, that value of a sign “swan” is connected in *The Tale of Igor’s Campaign* with kypchaks. In the article, like it, the following offer is investigated: “*Кричат телеги в полуночи, /словно лебеди вспугнутые*», which G.Jafarov has translated as “*Arabaları qu quşları kimi qışqırır, qu quşları kimi çöllərə səpələnmiş*”: *Tələsik yollarda at çapır qırçaq, / İqoru o, Donda qarşılayacaq. // Qırçaqların cır-cır arabaları / Qaz tək səpələnmiş bu gecə yarı*”.

However, researchers of the epos explain these “carts” differently. O.Suleymenov as has translated the same fragment. As a result, it is possible to notice art comparison: kypchak’s carts creak, “*словно лебеди вспугнутые*”.

Because of research, it is possible to come to such conclusion, that the author *The Tale of Igor’s Campaign* could use metaphorically this image borrowed from east fairy tales and legends. The facts mentioned here force us to trust in it.

Keywords: an Old Russian monument, “dark places”, *The Tale of Igor’s Campaign*, whether “There was a maiden...”, “Az-Ya”, an image “maiden-swan”.